

Твои глаза. Тому, кто видит, – ясно,
Что это камень, камень лишь простой, -
Беспомощный, недвижимый и безгласный,
А для тебя он божество, несчастный!
Слепец, к нему рукою прикоснись
И в том, что это камень, убедись.

Смеются над тобою повсеместно,
Ах, не позор ли это и не стыд?
Ведь даже простолюдину известно,
Что в небе бог от взора смертных скрыт.
А идол, что на площади стоит, -
Он и себе и людям бесполезен
И лишь безумцу может быть любезен».

Разгневала префекта эта речь,
И он тотчас же отдал приказанье
Домой святую отвести и сжечь
Ее в натопленной отменно бане.
И в пекло, раскаленное заране,
Была Цецилия заключена,
Чтоб задохнулась там в чаду она.

Однако ночь прошла и день за нею.
А страшный банный жар бессилен был
Осуществить преступную затею;
На лбу ее и пот не проступил.
Но все же рок ей в бане смерть судил:
Убийцу подослал Алмахий злобный,
Чтоб тот ее отправил в мир загробный.

Ей шею трижды полоснув, рассечь
Ее не смог он – не хватило силы
Снять голову мечом кровавым с плеч.
А власть в те дни недавно запретила
Удар четвертый, если пощадила
Три раза смерть, и потому злодей
Из страха не дерзнул покончить с ней.

Цецилию, всю залитую кровью,
Оставил он и удалился прочь,
А христиане, движимы любовью,
В платки собирали кровь ее всю ночь.
Три дня ей удавалось превозмочь
Боль страшную; собой пренебрегая,
Любить Христа учила их святая.

Она им отдала добро свое
И молвила, их приведя к Урбану:
«Услышал бог моление мое,
Дал мне три дня сносить тройную рану,
И, прежде чем дышать я перестану,
Их души в руки я тебе отдам:
Мой дом да будет превращен во храм».